

политика

Н.А.Шавеко
НОВЫЕ ВОЙНЫ —
СТАРЫЕ ПРИНЦИПЫ?
О НЕОБХОДИМОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-78-00001 (<https://rscf.ru/project/25-78-00001/>).

Николай Александрович Шавеко — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: shavekonikolai@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики так называемых «новых» войн, в частности асимметричность, повышенный уровень жертв среди мирного населения, низкая интенсивность, большая длительность и неясность моментов начала и конца, неотличимость от правоохранительной деятельности, глобальный характер и связь с политикой идентичности. На предмет применимости к «новым» войнам производится анализ выработанных в рамках теории справедливой войны принципов, таких как принцип правого дела (справедливой причины), принцип соразмерности, принцип крайнего средства (необходимости), принцип добрых намерений и принцип дискриминации. Демонстрируется, что «новые» войны в целом осложняют соблюдение перечисленных принципов, однако их моральная значимость все же сохраняется. В то же время, по заключению автора, «новые» войны оказывают определенное влияние на теорию справедливой войны. Во-первых, они заставляют более абстрактно формулировать принципы правого дела и дискриминации; во-вторых, напоминают, что принцип правого дела — это указание и на правильные поводы для начала войны, и на правильные конечные цели таковой, причем цели эти не сводятся лишь к устранению поводов к войне, а требуют искоренения ее глубинных причин; в-третьих, побуждают задуматься о том, что сокращение ущерба от войны предполагает не только отказ от определенных действий, но и совершение активных действий; в-четвертых, проблематизируют моральную категорию соучастия в вооруженных конфликтах. Однако почти все упомянутые корректировки (за исключением первой) обуславливаются доводами, которые релевантны не только «новым», но и классическим (конвенциональным) войнам. Поэтому «новые» войны могут рассматриваться разве что как повод обратить внимание на соответствующие проблемы теории справедливой войны, но не как основание для ее пересмотра.

Ключевые слова: «новые» войны, теория справедливой войны, международное право, терроризм

Постановка проблемы

Теория справедливой войны — одно из направлений в военной этике, представители которого (в отличие, например, от пацифистов) признают, что войны бывают как справедливыми, так и несправедливыми. Эта теория имеет давнюю традицию, которая восходит как минимум к Цицерону, и в последние 50 лет (с момента публикации в 1977 г. книги Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны»²) развивается особенно активно.

² Walzer 2006.

Характеризуя современное состояние теории справедливой войны, принято различать в ней два раздела: *jus ad bellum* («право на войну», то есть раздел, отвечающий на вопрос, когда инициирование войны следует считать справедливым) и *jus in bello* («право на войне», то есть раздел, отвечающий на вопрос, какими средствами допустимо вести войну). Иногда выделяется также *jus post bellum* («право после войны» — раздел, отвечающий на вопрос о справедливых способах послевоенного урегулирования)³, однако такой подход не является общепризнанным⁴.

³ Куманьков 2022.

⁴ Шавеко 2022.

В первом разделе сравнительно устойчивый консенсус среди различных авторов касается шести моральных принципов: 1) принципа правого дела (должна иметься справедливая причина для начала войны); 2) принципа соразмерности (предполагаемые выгоды от войны должны быть соразмерны ее предполагаемым издержкам); 3) принципа крайнего средства, или необходимости (к войне можно прибегать только в том случае, если иные способы разрешения конфликта не сработали или явно неадекватны ситуации); 4) принципа добрых намерений (решение о начале войны должно быть обусловлено правильными намерениями); 5) принципа вероятности успеха (нельзя начинать войну, если очевидно, что достичь ее целей практически нереально); 6) принципа легитимности (войну может начать только законная власть).

Во втором разделе аналогичный консенсус существует применительно к двум принципам: 1) принципу дискриминации (атаковать можно только военные объекты и армию противника, но не мирную инфраструктуру и гражданских лиц); 2) принципу соразмерности (выгоды от конкретной военной операции должны превышать ее издержки и/или — в иной трактовке, известной также как принцип военной необходимости, — следует добиваться поставленных целей с минимальными издержками).

Именно на основе указанных принципов в рамках рассматриваемой теории и принято выносить суждения о справедливости или несправедливости тех или иных войн или отдельных военных операций.

⁵ Калдор 2015.

Между тем на рубеже XX и XXI вв. для обозначения изменившихся военных реалий в оборот вошло понятие «новых» войн⁵, которые

⁶ См., напр.
Lind et al. 1989;
Mueller 2004;
Кревельд 2005;
Мюнклер 2018.

стали противопоставляться войнам классическим (конвенциональным). Авторы, подчеркивающие особенности «новых» войн (называя их также постмодернистскими или войнами четвертого поколения)⁶, указывают на следующие обстоятельства. Раньше предполагалось, что войны происходят между государствами, началу войны предшествует ее объявление, сама она ведется по определенным правилам и заканчивается подписанием мирного договора. Сегодня же в войнах бывают задействованы и негосударственные субъекты (национально-освободительные движения, повстанцы, террористы, наркокартели, ЧВК, этнические группы, партизаны и т.д.), и соответствующие события напоминают скорее не войны, а правоохранительную деятельность, то есть борьбу государства с преступностью. Отсюда асимметричность таких войн: одна сторона в них обычно сильная, тогда как другая — слабая. Дабы противопоставить что-нибудь сильной стороне слабой приходится менять тактику — делать войну «вязкой» и вялотекущей, с эпизодическими обострениями, а также дегуманизировать противника и идеологизировать сопротивление ему. По тем же причинам слабая сторона часто применяет террористические методы и прикрывается гражданским населением как щитом, а также прибегает к тактике смешения с гражданским населением, отказываясь от военной формы и любых опознавательных знаков. В свою очередь сильная сторона — а это обычно развитое государство, население которого привыкло к бытовому комфорту и не горит желанием умирать (настроено «постгероически»), — чтобы не подвергать своих солдат опасности, склонна делать ставку на неизбирательное дальнобойное оружие. Не случайно в «новых» войнах очень велики потери среди гражданских лиц. Как следует из сказанного, вклад в это вносят обе стороны: слабая — террором на чужих территориях и недобросовестным использованием гражданского населения на своих; сильная — использованием мощного неизбирательного оружия и нежеланием предпринимать дополнительные усилия по разграничению комбатантов и мирного населения на территории боевых действий (а также отказом видеть в противнике легального субъекта, на которого распространяются правила ведения войны, установленные Женевскими конвенциями 1949 г.). При этом речь идет не только о том, что жертв среди мирного населения становится больше, но и о том, что в целом войны приводят к страшным разрушениям и сопровождаются чрезмерным насилием. В итоге война не разрешает конфликт, а порождает новые конфликты и обиды. Становится неясно, с кем и о чем договариваться. Поэтому «новые» войны могут продолжаться неопределенное время.

В связи с этим встает вопрос: насколько теория справедливой войны работает в отношении «новых» войн? Чтобы ответить на него, следует проанализировать особенности применения принципов справедливой войны в контексте «новых» войн и те моральные дилеммы, которые при этом возникают.

**Теоретические
основы
исследования**

Было бы неверным утверждать, что поставленная в настоящей статье проблема полностью игнорируется исследователями, однако говорить о сколько-нибудь глубокой ее проработке пока не приходится.

Отправной точкой для дальнейших рассуждений может служить статья одного из известных западных теоретиков справедливой войны Николаса Фоушина «Две теории справедливой войны» (2006)⁷, где предпринята попытка доказать, что ведущие войну негосударственные субъекты должны быть освобождены от соблюдения принципов вероятности успеха и легитимности власти, а принципы правого дела и крайнего средства подлежат трансформации, открывающей больше возможностей для государств. Нельзя не отметить также статью «Переосмысляя „справедливую войну“» Джеффа Макмаана (2012)⁸, который, ссылаясь на изменившийся характер войн, оспаривает традиционную теорию справедливой войны с позиций так называемого ревизионистского подхода и, в частности, выступает против строгого разграничения *jus ad bellum* и *jus in bello*.

⁷ Фоушин 2016.

⁸ Макмаан 2019.

Представляется, что рассуждения как Фоушина, так и Макмаана вряд ли могут считаться удовлетворительным ответом на моральные вызовы «новых» войн. Дело в том, что, убедительно показывая несостоятельность тех или иных положений традиционной теории справедливой войны, ни тот, ни другой не приводят достаточно аргументов в пользу того, что эта несостоятельность обусловлена именно новым характером войн.

Обратимся, например, к принципу легитимности. В литературе он понимается двояко. С одной стороны, некоторые трактуют его как принцип законности, суть которого сводится к тому, что решение о начале войны должны принимать специально уполномоченные законом лица. Но если инициирование войны должно соответствовать закону, то в чем вообще критический потенциал теории справедливой войны? Будучи моральной теорией, она должна критически осмыслять законы! Конечно, существуют моральные доводы в пользу повиновения закону. Но они во многом покрываются другими принципами справедливой войны, такими как соразмерность и необходимость (несоблюдение закона, как правило, несоразмерно и не является единственным способом достичь благой цели). Поэтому вряд ли вообще нужен какой-то отдельный принцип, смысл которого в том, что нужно соблюдать закон. С другой стороны, легитимность нередко трактуется как одобрение населением. Но и в таком понимании принцип легитимности сомнителен. Рассмотрим два случая. В одном безжалостный диктатор и тиран развязал войну против соседнего государства, в другом демократически избранное правительство проводит неокOLONиальную экспансию в отношении страны третьего мира. Почему в первом случае война должна считаться более аморальной, чем во втором? Вряд ли легитимность власти, развязавшей войну, имеет здесь хоть какое-то моральное значение. Так, Руандийский патриотический фронт был вправе остановить геноцид в отношении народа тутси в 1994 г. не по причине своей легитим-

ности, а просто потому, что являлся единственной силой, желающей и при этом имеющей возможность это сделать. Короче говоря, принцип легитимности сомнителен не только в контексте «новых» войн, но и в других контекстах. Разумеется, это не означает, что легитимность вообще лишена морального значения. Например, кажется справедливым, что первоочередным правом на применение вооруженных сил должны обладать легитимные власти того сообщества, в котором возникли основания для такого применения; однако нельзя считать, что данное право абсолютно и другие субъекты не могут на него претендовать.

⁹ См. Фуушин 2016: 177.

¹⁰ Cuce 2007: 100—101.

¹¹ Steinhoff 2007: 29.

То же самое касается и принципа вероятности успеха. По логике Фуушина⁹, у слабой стороны шансы изначально не слишком велики, но из этого не следует, что любое сопротивление сильному противнику заведомо несправедливо. С этим утверждением можно согласиться. Но опять же — вызвано ли это согласие изменившимся характером войн? По оценке Хенрика Сисе, хотя к середине 1940 г. шансы Великобритании победить нацистскую Германию выглядели весьма слабыми, Уинстон Черчилль сделал правильный выбор, отказавшись вести мирные переговоры с Адольфом Гитлером и предпочтя сражаться до конца¹⁰. Если так, то принцип вероятности успеха неприменим даже к войнам между государствами, где отсутствует явная асимметрия, а не только к «новым» войнам. В схожем контексте Уве Штейнхофф приводит в пример сопротивляющийся геноциду народ, подчеркивая, что, даже если такое сопротивление практически обречено на провал, мы все-таки склонны оправдывать решение этого народа воевать до конца¹¹. Другими словами, вполне возможны ситуации, когда война оправдана даже при отсутствии разумных шансов на успех. Принцип вероятности успеха избыточен, поскольку связанные с ним моральные интуиции с лихвой покрываются другими принципами справедливой войны. В частности, государство, применяющее вооруженную силу в отсутствие разумных шансов на успех, наверняка понесет большие людские и материальные потери. Но тем самым оно нарушит принцип соразмерности. Кроме того, если некоторое действие вряд ли принесет успех, его попросту нельзя назвать необходимым. Следовательно, мы можем отвергнуть принцип вероятности успеха и ограничиться принципом соразмерности. И относится это как к «новым», так и к классическим войнам.

¹² См., напр. McMahān 2006.

Наконец, оспаривание Макмааном разграничения *jus ad bellum* и *jus in bello* тоже действительно вне контекста «новых» войн. По мнению Макмаана, страна-агрессор не может соблюсти принципы соразмерности, необходимости и дискриминации, ибо ее действия вообще не имеют положительных следствий и не являются необходимыми для достижения справедливой цели, при этом ее солдаты не имеют морального права убивать ни солдат, ни мирных жителей противника¹². С учетом этого он полагает, что соблюдение принципов *jus in bello* неразрывно связано с соблюдением принципа правого дела, то есть *jus*

ad bellum. Данная точка зрения представляется спорной, поскольку мы, вне сомнения, нуждаемся в некоторых правилах ведения даже несправедливо начатой войны (хотя бы для того, чтобы действия солдат страны-агрессора не стали еще более несправедливыми). Потребность в этих правилах в свою очередь указывает на необходимость переосмысления формулировок некоторых принципов таким образом, чтобы они были применимы даже к солдатам страны-агрессора, но вовсе не является основанием мазать одной краской любые их действия. Впрочем, даже если принципы соразмерности, необходимости и дискриминации все-таки (вопреки Макмаану) применимы к солдатам страны-агрессора, существуют иная причина не разделять jus ad bellum и jus in bello. Эта причина достаточно очевидна: и принципы jus ad bellum, и принципы jus in bello должны применяться при принятии решения как о начале войны в целом, так и о проведении конкретной военной операции, постольку смысл их един и состоит в том, чтобы задать критерии оправданного использования вооруженных сил; а раз так, то нет никаких причин делить их на две условные группы. Иначе говоря, Макмаан отчасти прав, отчасти нет. Но дело даже не в том, что его взгляды могут подвергаться критике, а в том, что они — вопреки утверждению автора¹³ — иррелевантны проблеме «новых» войн. Так, ревизионизм, которого придерживается Макмаан, действительно связан с переключением фокуса внимания с государств на отдельных индивидов¹⁴: с точки зрения ревизионистов, справедливым основанием для применения вооруженных сил служит покушение на права человека, а не на суверенитет сообщества (хотя последнее, как правило, предполагает первое). Однако «новые» войны могут рассматриваться разве что как повод, но не как причина подобного изменения теории. То есть фактическое размывание государственного суверенитета не более чем дополнительный повод для переосмысления моральной значимости суверенитета сообщества и привязки ее, например, к соблюдению тех или иных прав человека. В итоге принцип правого дела пересматривается не потому, что в случае «новых» войн он должен выглядеть иначе, а потому, что он в целом требует уточнения, в том числе и применительно к классическим войнам. Вопрос же, который мы здесь ставим, другой: должны ли мы выработать особый перечень или особые формулировки принципов справедливой войны, ориентированные исключительно на «новые» войны?

Итак, мы видим, что предлагаемые в зарубежной литературе подходы к переосмыслению принципов справедливой войны применительно к «новым» войнам неудовлетворительны. Посмотрим, как обстоит дело в литературе отечественной.

Среди работ русскоязычных авторов, посвященных трансформации теории справедливой войны в современных условиях, стоит упомянуть статьи Бориса Кашникова¹⁵, Арсения Куманькова¹⁶, Леонида Якушева¹⁷, Екатерины Шанченко¹⁸, Ирины Сидоренко¹⁹ и Николая Афанасова²⁰. Однако в большинстве из них либо описывается текущее

¹³ Макмаан 2019: 143—144.

¹⁴ Куманьков 2020: 157.

¹⁵ Кашников 2019.

¹⁶ Куманьков 2016.

¹⁷ Якушев 2016.

¹⁸ Шанченко 2023.

¹⁹ Сидоренко 2020.

²⁰ Афанасов 2019.

состояние теории справедливой войны в обзорном формате, либо рассматривается политический контекст данной теории (не без доли идеологической ангажированности); и в том и в другом случае отсутствуют конкретные предложения по модификации существующих принципов справедливой войны. Более того, сам тот тезис, что «новые» войны порождают потребность в трансформации теории справедливой войны, лишь подразумевается, но почти никак не аргументируется. Таким образом, предмет настоящей статьи недостаточно разработан и в отечественной науке. И все же в качестве теоретической основы для дальнейшего исследования целесообразно воспользоваться тем перечнем признаков «новых» войн, который приводит Куманьков, опираясь на анализ зарубежной литературы²¹.

²¹ Куманьков 2020: 68—124.

Принципы справедливой войны в свете «новых» войн

Дальнейшее исследование будет построено так: рассматривая каждый из основных признаков «новых» войн поочередно, мы будем ставить вопрос о том, как этот признак может повлиять на переосмысление принципов справедливой войны. При этом с учетом того, что ранее нами были отвергнуты принципы легитимности и вероятности успеха, а также разграничение принципов справедливой войны на *jus ad bellum* и *jus in bello*, мы будем анализировать на предмет возможных трансформаций следующий единый набор принципов: 1) принцип правого дела (справедливой причины); 2) принцип соразмерности; 3) принцип крайнего средства (необходимости); 4) принцип добрых намерений; 5) принцип дискриминации.

Первая особенность «новых» войн — их асимметричность. Последняя может пониматься двояко. Во-первых, в том смысле, что сильной стороне противостоит слабая. Во-вторых, в том смысле, что государству противостоит негосударственный субъект. Иными словами, в первом случае важно соотношение сил, во втором — сам тип субъекта, его легитимность.

Как это влияет на принципы справедливой войны? Прежде всего асимметричность конфликта значительно затрудняет выполнение таких принципов, как дискриминация и необходимость. Рассмотрим данную проблему подробнее.

Основные сложности с выполнением принципа дискриминации возникают потому, что слабая сторона применяет тактику террора и партизанской войны, а ее комбатанты не используют опознавательных знаков, в связи с чем сильной стороне трудно отличить своего противника от гражданского населения. Вместе с тем сложность выполнения данного принципа вряд ли может служить оправданием его игнорирования. Подобный подход, по сути, означал бы нечто вроде «так делать нельзя, но если очень хочется, то можно». Действительно, у слабой стороны может возникнуть соблазн задействовать в своих интересах уязвимости «постгероического» настроения населения и демократического политического строя противника, прибегнув к террору как способу давле-

ния, но это вовсе не означает, что мы должны отказаться от морального осуждения терроризма (скорее наоборот, именно ввиду таких соблазнов крайне важно сформировать четкую моральную позицию в отношении терроризма). В свою очередь сильная сторона, сталкивающаяся с партизанской тактикой или с тем, что противник использует собственное же население в качестве «живого щита», испытывает соблазн не утратить себя разграничением комбатантов и некомбатантов, нанося по территории противника неизбирательные удары. Но подобный соблазн скорее повод прилагать больше усилий для соблюдения принципа дискриминации, чем отказаться от него. Считается, в частности, что в случае партизанской войны солдаты должны предпринимать все зависящие от них меры, чтобы отличить своих врагов — партизан — от мирного населения²². В отношении мирного населения действует презумпция невиновности, и именно на солдатах лежит бремя доказывания участия конкретных его представителей в военных действиях²³. Данная установка зафиксирована в дополнительном протоколе №1 1977 г. к знаменитым Женевским конвенциям 1949 г. Таким образом, в асимметричной войне каждая из воюющих сторон должна сделать все возможное, чтобы соблюсти принцип дискриминации.

²² *Walzer 2006:*
195—196.

²³ *Садовников*
2013.

Однако проблема не только в том, что принцип дискриминации становится сложно соблюсти на практике, но и в том, что в самом этом принципе обнаруживаются «белые пятна». Так, в ситуации, когда друг другу противостоят регулярные армии, а повседневные практики населения воюющих государств не оказывают никакого влияния на ход боевых действий, разграничить комбатантов и некомбатантов довольно просто. Появление же целой плеяды новых участников войны заставляет нас формулировать принцип дискриминации абстрактно, без привязки к таким привычным критериям, как военная форма или ношение оружия, что в свою очередь требует осмысления моральных причин для дискриминации *per se*. Например, Макмаан предлагает различать комбатантов и некомбатантов по степени ответственности²⁴. Под ответственными лицами он понимает тех, чьи действия продуцируют угрозы, создающие достаточные основания для справедливого начала военных действий. При том что позиция указанного автора не свободна от критики, его общая интенция (для целей дискриминации учитывать угрозу, исходящую от конкретного субъекта) представляется верной. Другой аспект проблемы заключается в выработке четких правил относительно допустимости поражения объектов двойного назначения. В любом случае речь идет о том, чтобы формулировать принцип дискриминации в виде общего правила, а не применительно к некоему набору типичных случаев, который неизбежно меняется вместе с характером войн.

²⁴ *McMahan 2004:*
722—729.

Асимметричность провоцирует нарушение не только принципа дискриминации, но и принципа необходимости. Поскольку государство, более продвинутое в военно-техническом плане, в состоянии вести войну так, чтобы это не затронуло основную массу его насе-

ния, у его руководства возникает искушение решать военным путем даже те вопросы, которые можно решить без применения силы. Кроме того, преимущества в некоторых видах вооружений подталкивают к неизбирательным ударам (например, превосходство в авиации может использоваться для «ковровых бомбардировок»). При этом само современное оружие, способное наносить точечные удары (в том числе самонаводящиеся ракеты, беспилотники и так называемые роботы-убийцы), ввиду меньшего задействования человеческой психики работает на дегуманизацию противника, а чрезмерное доверие техническим новшествам и алгоритмам может нивелировать преимущества, связанные с возможностью нанесения точечных ударов, не говоря уже о том, что применение такого рода оружия *de facto* исключает взятие противника в плен. Все это приводит к частым нарушениям принципа необходимости, но тем самым лишь подчеркивает его значимость.

По мнению некоторых исследователей, асимметричные войны кардинальным образом меняют военный этос, поскольку на смену отваге, героизму и готовности к самопожертвованию приходит самосохранение, трактуемое многими как трусость²⁵. Пожалуй, это действительно так (хотя не вполне понятно, почему мы должны придавать данному факту негативную моральную окраску). Однако необходимо отметить, что теория справедливой войны издавна руководствовалась лишь принципом добрых намерений (то есть этикой мотивов), игнорируя проблематику благих качеств души (этику добродетелей). Возможно, это следует рассматривать как недостаток данной теории — но он позволяет утверждать, что деактуализация одних воинских добродетелей и актуализация других не затрагивают ее.

Сходные с асимметричностью моральные последствия имеет и такая особенность «новых» войн, как повышенный уровень жертв среди гражданского населения. В первую очередь эта особенность указывает на особую значимость принципов дискриминации и необходимости. Однако здесь заслуживает внимание и еще один момент. Войны всегда имеют отложенные эффекты. Поэтому при оценке вреда, причиненного войной, мы должны учитывать не только сами по себе ранения солдат или разрушенную гражданскую инфраструктуру, но и те ухудшения, которые могут наступить, если мы не окажем солдатам медицинскую помощь и не восстановим поврежденную инфраструктуру. В связи с этим принцип необходимости, как представляется, должен означать не просто минимизацию причиняемого противнику ущерба, но и обязанность совершать активные действия уже после причинения такого ущерба (с целью свести к минимуму возможные негативные последствия). Как замечает Сисе, после американской операции «Буря в пустыне» (1991) «отсроченным результатом бомбардировок стало ухудшение качества воды и, соответственно, распространение болезней и смерть многих мирных жителей в Ираке»²⁶. В этом и аналогичных случаях принцип необходимости означает, что сторона конфликта, которая контролирует

²⁵ См., напр. Шамаю 2020: 105—119.

²⁶ Сисе 2007: 133.

соответствующую территорию, обязана обеспечить доступ местного населения к чистой пресной воде.

Другая характеристика «новых» войн — их низкая интенсивность. Военные действия тут принимают форму не противостояния на фронтах, а периодических вылазок и рейдов, уничтожения имущества, заказных убийств и террористических актов, восстаний против правительств (равно как и информационной войны, борьбы за «сердца и умы» и т.п.). Данное обстоятельство существенно затрудняет определение начала и конца войны, что сказывается на применении принципа правого дела.

Рассмотрим, например, самооборону как наиболее бесспорную справедливую причину для начала войны. Согласно Уставу ООН, каждое государство имеет право защищать себя от вооруженных нападений. Национальные правовые системы в свою очередь предоставляют право на самооборону отдельным индивидам. Причем обычно индивиды могут воспользоваться им не только в момент преступного посягательства, но и при непосредственной угрозе такового. Следуя той же логике, теоретики справедливой войны склонны оправдывать так называемые упреждающие удары. Здесь важно подчеркнуть, что упреждающие (preemptive) удары не равнозначны превентивным (preventive): если первые связаны с непосредственной угрозой нападения, то вторые — с гипотетической опасностью²⁷. В теории справедливой войны принято оправдывать именно первые, но не вторые²⁸. Проблема в том, что в «новых» войнах очень сложно разграничить упреждающую и превентивную атаку, ведь по большей части бывает неясно, существует ли непосредственная угроза нападения. Скажем, если совершен один теракт, значит ли это, что в скором времени неизбежно произойдет и второй? Если вчера были обстрелы приграничных территорий, а сегодня они прекратились, значит ли это, что завтра они снова возобновятся? Такие ситуации порождают страх и неопределенность.

И все же представляется, что у нас нет иного способа преодолеть моральные затруднения, сопряженные с подобными ситуациями, кроме как в каждой конкретной ситуации определять, окончилось нападение или еще нет, имеется ли непосредственная и неминуемая угроза агрессии, можно ли считать отдельные атаки, совершенные в разное время, длящимся посягательством (то есть связаны они между собой напрямую или нет). Следовательно, принцип правого дела остается прежним, а «новые» войны влияют не на содержание данного принципа, а на сложности, возникающие при практическом его применении, а именно при установлении и оценке конкретных фактов. Многие западные ученые, впрочем, придерживаются иной точки зрения, предлагая пересмотреть принцип правого дела, санкционировав превентивные удары²⁹. Но это равносильно тому, как если бы судья при рассмотрении конкретного дела стал игнорировать законы лишь потому, что ему сложно разобраться в фактических обстоятельствах.

Просматривается и еще одно затруднение, обусловленное неясностью момента начала и окончания вялотекущих «новых» войн. На-

²⁷ Фоушин 2016: 174.

²⁸ Orend 2000: 162, 183—186; Walzer 2006: 81, 85.

²⁹ Фоушин 2016: 178; Любэн 2016: 160—163.

помним, что теория справедливой войны традиционно делится на *jus ad bellum* и *jus in bello*. Предполагается, что сначала нужно понять, оправданно ли начинать военные действия, то есть оценить ситуацию с точки зрения *jus ad bellum*, и лишь после их начала обращать внимание на *jus in bello*. В «новых» войнах, начало и окончание которых размыты, такая логика становится невозможной. Однако по факту здесь нет никакой трудности, поскольку само разграничение *jus ad bellum* и *jus in bello*, как было показано выше, неверно. Существуют не два отдельных, а единый перечень принципов справедливой войны, который применяется при принятии решения как о начале войны, так и о проведении отдельных военных операций. Определение момента начала и окончания войны здесь не играет никакой роли.

То же самое касается такой особенности «новых» войн, как их схожесть с правоохранительной деятельностью. Конечно, бывает не просто отличить войны, в которых принимают участие повстанцы, террористы, ЧВК и т.п., от обычной борьбы с организованной преступностью, особенно когда ввиду низкой интенсивности «война» сводится к охране порядка, патрулированию территорий и т.п. Однако понятийное разграничение войны и борьбы с преступностью едва ли вообще имеет моральное значение. Самооборону, например, вполне можно рассматривать как защиту государством своих граждан от преступных посягательств; гуманитарные интервенции во имя защиты прав человека тоже, по сути, представляют собой попытку пресечь преступления и привлечь преступников к ответственности. И не исключено, что одни и те же принципы применимы как к войнам, так и к полицейским операциям, осуществляемым с применением оружия. Очевидно, что в рамках таких операций полицейский должен действовать соразмерно, применять оружие лишь по необходимости, не причинять вреда мирным гражданам и т.д. (хорошо также, если при этом он руководствуется добрыми намерениями). Соответственно, схожесть «новых» войн с правоохранительной деятельностью, на первый взгляд, не создает проблем для моральной теории.

Многие исследователи полагают, что понимание войны как полицейской операции размывает принцип морального равенства комбатантов. Действительно, раньше считалось, что война — это своего рода дуэль, ведущаяся по определенным правилам, где каждая сторона имеет право убить, но и рискует быть убитой. Соответственно, комбатанты обладают одними и теми же правами вне зависимости от того, справедливо или нет воюет государство³⁰. Сегодня такая точка зрения подвергается острой критике. Так, по мнению Макмаана, для солдат страны-агрессора незаконными целями являются как комбатанты, так и некомбатанты противника. Подобно тому как преступник не вправе атаковать пытающегося схватить его полицейского, комбатант страны-агрессора не вправе атаковать комбатантов справедливо воюющей стороны³¹. Здесь мы действительно наблюдаем важную трансформацию теории справедливой войны. Но вызвана ли эта трансформация именно

³⁰ *Walzer 2006:*
136.

³¹ *McMahan 2006:*
112—114.

«новыми» войнами? Представляется, что она обусловлена скорее криминализацией войны на международно-правовом уровне. Коль скоро война как таковая незаконна, то ее ведение приравнивается к преступлению, а единственным способом оправдания войны становится объявление ее полицейской операцией. В результате мы наблюдаем все более широкое распространение манихейского дискурса: «Я хороший, ты — плохой, а только у хороших есть право убивать плохих... На что враг, конечно же, ответит, что нет, это мы хорошие, а вы плохие, а потому только у нас есть право убивать»³². И все же, прежде чем осуждать подобный дискурс, следует вспомнить, почему он возник. А возник он потому, что мировое сообщество решило положить конец всякой героизации войны. Война теперь не может быть обоснована исключительно реализацией суверенитета по «дуэльным» правилам, где твое право убивать определяется наличием риска быть убитым; теперь необходимо доказать, что противная сторона совершает настолько жуткие преступления, что лишь применение против нее вооруженных сил способно восстановить справедливость. Эта моральная трансформация произошла ввиду осмысления характеристик конвенциональных, а не «новых» войн.

³² Шамаю 2020: 192.

Тем не менее здесь имеется один аспект, на котором следует заострить внимание. Дело в том, что если мы решим использовать принцип правого дела не только в отношении войн между государствами, то уже не сможем ограничиться обоснованием справедливости отдельных причин для начала войны, будь то наказание грешников и защита веры, отстаиваемые средневековыми авторами, или самооборона, упреждающая атака, помощь союзникам, борьба с терроризмом и гуманитарная интервенция, которые рассматриваются в качестве *causa justa* в современной литературе³³. Чтобы принцип правого дела можно было применять к самым разным вооруженным конфликтам, он должен стать более абстрактным. Тот же Макмаан в одной из своих работ предлагает формулировку данного принципа применительно к любым коллективам (не только государствам), и в этой формулировке справедливой причиной является нарушение (*wrong*) или угроза его свершения³⁴ без какой-либо конкретизации. Данный подход представляется нам вполне убедительным. Фактически справедливой причиной можно считать любое нарушение достойного порядка, при этом серьезность такого нарушения можно оценить уже в свете других принципов справедливой войны (соразмерность, крайнее средство и т.д.). Иначе говоря, «новые» войны ввиду их схожести с правоохранительной деятельностью требуют предельно абстрактной формулировки принципа правого дела, что позволяет уйти от вопроса о том, чем же собственно война отличается от борьбы с преступностью.

³³ Куманьков 2016.

³⁴ McMahan 2005: 8.

Следующая черта «новых» войн — их длительность, а также постоянная опасность рецидива. Многие вооруженные конфликты сегодня то вспыхивают, то затухают, и так происходит долгие годы. Это обусловлено тем, что, когда в войне участвует множество акто-

ров — главарей банд, полевых командиров, революционеров и т.д., — найти компромисс со всеми сразу бывает непросто. Тем более что для многих из них война как «мать родна» — это и источник дохода, и образ жизни.

Опять же, сама по себе длительность не влияет на моральные принципы ведения войны. Разве что, если длительность связана с увеличением ущерба от войны, это дает повод внимательнее отнестись к соблюдению принципа соразмерности. Но в контексте рассматриваемой особенности «новых» войн интереснее другое. Как уже упоминалось, в последнее время звучат (и множатся) призывы выделить в рамках теории справедливой войны новый раздел — *jus post bellum*, определяющий действия по окончании войны. Обосновывая свою позицию, сторонники такого выделения ссылаются прежде всего на необходимость привлечения виновных к ответственности за военные преступления, а также правильной послевоенной реконструкции политической, экономической и социальной сфер³⁵. Их идея заключается в том, чтобы выработать принципы, при соблюдении которых не оставалось бы условий для возобновления войны. Однако, на наш взгляд, концепция *jus post bellum* пока остается достаточно «сырой» (перечни принципов *jus post bellum* разительно различаются от автора к автору) и сомнительна в том плане, что по сути своей выходит за пределы теории справедливой войны. Так, если смысл принципов, традиционно относимых к *jus ad bellum* и *jus in bello*, состоит в том, чтобы обозначить критерии применения вооруженных сил, то принципы *jus post bellum*, во-первых, касаются ситуаций, когда пушки уже замолчали, и, во-вторых, отвечают на вопрос, что делать, а не при каких условиях делать. Таким образом, речь идет о совершенно ином предмете.

Вместе с тем мы полагаем, что дискуссии вокруг *jus post bellum* обнажили один очень важный момент, а именно потребность в конкретизации некоторых аспектов принципа правого дела. Дело в том, что в литературе правое дело (*just cause*) чаще всего понимается как указание на повод для начала войны и лишь изредка — на ее конечную цель. Между тем эти две трактовки данного принципа имеют различный смысл. Например, можно считать справедливым поводом для обращения к оружию факт нападения, а справедливой целью — его отражение. Принято считать, что раз повод для войны связан с какими-то нарушениями, то и цель войны — пресечение соответствующих нарушений. Но проблемы, поднятые при обсуждении *jus post bellum*, показывают, что не все так просто: мало пресечь текущие нарушения, нужно еще сделать так, чтобы в будущем они не повторились. Действительно, подобно тому как полиция, задерживая преступника, не отпускает его на свободу в следующий же миг, а обеспечивает условия для привлечения его к уголовной и имущественной ответственности, война не заканчивается пресечением агрессии, а подразумевает принятие мер к поддержанию справедливого миропорядка в будущем. В этом контексте «новые» войны, чья специфика именно в том, что они никак не могут закончиться, превра-

³⁵ Orend 2000: 225—226.

шаясь в перманентно тлеющие очаги, заставляют нас скорректировать наши представления о справедливых целях войны и тем самым уточнить принцип правого дела.

Перейдем к следующей особенности «новых» войн — их глобальному характеру. В первую очередь это означает, что даже в локальном конфликте часто замешаны самые разные акторы, в связи с чем широкую популярность приобрел термин «прокси-войны». Феномен прокси-войн, однако, влияет не на принципы ведения войны, а на состав ее участников. Здесь представляется целесообразным руководствоваться общим правилом: «тот, кто воюет чужими руками, — тоже воюет». Следовательно, принципы справедливой войны распространяются не только на комбатантов, но и на тех, кто стоит за их спинами. В частности, подобно тому как в национальном уголовном праве уголовной ответственности подлежат не только непосредственные исполнители, но и организаторы, пособники и подстрекатели, каждый из участников преступной прокси-войны должен понести наказание. Сложность определения таких участников и меры их ответственности скорее практического, чем морального плана. Тем не менее прокси-войны как минимум требуют проблематизации понятия «участник войны», на которого распространяются соответствующие принципы.

Другой аспект глобального характера «новых» войн: их последствия касаются не только непосредственно конфликтующих сторон, но и, как правило, всего региона или даже мира в целом. Например, гражданская война в Сирии спровоцировала европейский миграционный кризис 2015 г. Это, впрочем, дает основание не для пересмотра принципов справедливой войны, а для более ответственного отношения к прогнозированию долгосрочных последствий вооруженного конфликта в рамках принципа соразмерности.

Наконец, важной характеристикой «новых» войн является то, что они подпитываются через политику идентичности. На наш взгляд, основное значение данного обстоятельства в контексте теории справедливой войны тоже заключается в том, чтобы побудить участников конфликта более внимательно просчитывать последствия применения вооруженных сил. Так, оценивая допустимость инициирования войны в конкретной ситуации, следует иметь в виду послевоенные разрушения и послевоенный кризис, которые наверняка станут питательной почвой для новых радикальных движений, если ничего не предпринять по окончании войны. В случае же, когда война уже идет, противостояние идентичностей, очевидно, ведет к ужесточению военных действий, дегуманизации противника, террору. Здесь возникают риски нарушения принципов дискриминации и необходимости, но все это, как представляется, лишь подчеркивает значимость названных принципов и не порождает потребности в их пересмотре.

Итак, проведенный анализ показывает, что «новые» войны сами по себе не требуют ни пересмотра перечня и содержания принципов справедливой войны (за исключением некоторых корректировок прин-

³⁶ *Кашников 2019.*

ципов дискриминации и правого дела), ни формулирования какой-то особой теории справедливой войны. Как правило, мы приходили к заключению, что «новые» войны усложняют соблюдение ряда принципов справедливой войны, но их моральная сила от этого не страдает. Иной точки зрения придерживается, в частности, Кашников, который ставит под сомнение возможность соблюдения принципов справедливой войны в современных условиях, в связи с чем предлагает заменить идеал справедливой войны идеалом законности³⁶. Действительно, если «новые» войны таковы, что принципы справедливой войны становятся невыполнимыми, то могут ли эти принципы сохранять моральную значимость? На этот вопрос мыслимы два противоположных ответа: (1) если факты не соответствуют моральным принципам, тем хуже для фактов; (2) невыполнимый моральный идеал и не может считаться идеалом. И все же, на наш взгляд, ситуацию не следует драматизировать. Безусловно, на войне очень сложно остаться святым, не нарушив ни одной заповеди. Однако это не значит, что заповеди не нужны. В частности, возможна разная степень несоблюдения принципов справедливой войны. Следовательно, эти принципы сохраняют актуальность хотя бы в статусе путеводной звезды, по направлению к которой нужно двигаться, даже если сама она никогда не будет достигнута. Тот факт, что преступления неизбежны, не заставляет нас отказываться от уголовного кодекса: напротив, именно потому, что преступления случаются, он и необходим.

Заключение

Подведем итоги. Мы проанализировали такие особенности «новых» войн, как асимметричность, повышенный уровень жертв среди мирного населения, низкая интенсивность, большая длительность и неясность моментов начала и конца, неотличимость от правоохранительной деятельности, глобальный характер, связь с политикой идентичности. Было показано, что, хотя некоторые из этих особенностей и затрудняют соблюдение принципов справедливой войны, моральная значимость последних сохраняется.

В то же время «новые» войны оказывают определенное влияние на теорию справедливой войны. Во-первых, они заставляют более абстрактно формулировать принципы правого дела и дискриминации; во-вторых, напоминают, что принцип правого дела — это указание и на правильные поводы для начала войны, и на правильные конечные цели таковой, причем цели эти не сводятся лишь к устранению поводов к войне, а заключаются в искоренении ее глубинных причин; в-третьих, побуждают задуматься о том, что сокращение ущерба от войны предполагает не только отказ от определенных действий, но и совершение активных действий; в-четвертых, проблематизируют моральную категорию соучастия в вооруженных конфликтах.

Следует отметить, что почти все перечисленные корректировки обуславливаются доводами, которые релевантны не только «новым»,

но и классическим (конвенциональным) войнам. «Новые» войны могут рассматриваться разве что как повод обратить внимание на соответствующие проблемы, то есть как фактор, высвечивающий старые недостатки теории. Действительная же причина, заставляющая нас пересмотреть некоторые положения теории справедливой войны, — не изменение характера войн, а изначальная слабость нормативного обоснования этих положений. В любом случае появление «новых» войн не может служить основанием для разработки второй теории справедливой войны, как предлагает Фоушин: теория остается единой, распространяясь, по-видимому, на любые типы вооруженных конфликтов.

Библиография

Афанасов Н. (2019) «Новые войны — старая этика» // *Логос*, т. 29, № 3: 157—180. URL: http://intelros.ru/pdf/logos/2019_03/Logos%203-2019_Press-165-188.pdf (проверено 25.11.2025).

Калдор М. (2015) *Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Кашников Б.Н. (2019) «Теория справедливой войны: критика основных начал» // *Этическая мысль*, т. 19, № 2: 152—167. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/323354212> (проверено 25.11.2025).

Кревельд М., ван. (2005) *Трансформация войны*. М.: Альпина Бизнес Букс.

Куманьков А.Д. (2016) «Принцип правого дела и „новые“ войны» // Кашников Б.Н. и А.Д.Куманьков, ред. *Этика войны и мира: история и перспективы исследования*. СПб.: Алетейя: 152—175. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/k11tnvi4nc/167865715.pdf> (проверено 25.11.2025).

Куманьков А.Д. (2020). *Война в XXI веке*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Куманьков А.Д. (2022) «Теория справедливой войны» // *Большая российская энциклопедия*, 2.06. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-spravedlivoi-voiny-c54154> (проверено 25.11.2025).

Любэн Д. (2016) «Превентивная война» // *Этическая мысль*, т. 16, № 2: 155—168. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em_16_2/155%E2%80%93168.pdf (проверено 25.11.2025).

Макмаан Дж. (2019) «Переосмысляя „справедливую войну“» // *Логос*, т. 29, № 3: 139—156. URL: https://intelros.ru/pdf/logos/2019_03/Logos%203-2019_Press-147-164.pdf (проверено 25.11.2025).

Мюнклер Г. (2018) *Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках*. М.: Кучково поле.

Садовников Д.В. (2013) *Статус участников неправительственных вооруженных формирований по международному праву*. М.: РПА Минюста России.

Сидоренко И.Н. (2020) «Феномен „справедливой войны“ и ее трансформация в современном мире» // *Труды БГТУ. Серия 6: Исто-*

рия, философия, № 1: 116—120. URL: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/34359/1/Sidorenko_fenomen.pdf (проверено 25.11.2025).

Сисе Х. (2007) *Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах*. М.: Весь Мир.

Фоушин Н. (2016) «Две теории справедливой войны» // *Этическая мысль*, т. 16, № 2: 169—186. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em_16_2/169%E2%80%93186.pdf (проверено 25.11.2025).

Шавеко Н.А. (2022) «Jus post bellum как раздел теории справедливой войны» // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, т. 6, вып. 3: 359—368.

Шамаю Г. (2020) *Теория дрона*. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж».

Шанченко Е.П. (2023) «Новые дилеммы теории „справедливой войны“» // *Вестник РУДН. Серия: Политология*, т. 25, № 2: 319—329.

Якушев Л.В. (2016) «Современные трансформации теории справедливой войны» // *Этическая мысль*, т. 16, № 2: 142—154. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em_16_2/142%E2%80%93154.pdf (проверено 25.11.2025).

Lind W.S., K.Nightengale, J.F.Schmitt, J.W.Sutton, and G.I.Wilson. (1989) «The Changing Face of War: Into the Fourth Generation» // *Marine Corps Gazette*, October: 22—26.

McMahan J. (2004) «The Ethics of Killing in War» // *Ethics*, vol. 114, no. 4: 693—733.

McMahan J. (2005) «Just Cause for War» // *Ethics and International Affairs*, vol. 19, no. 3: 1—21.

McMahan J. (2006) «Morality, Law, and the Relation between Jus ad Bellum and Jus in Bello» // *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, vol. 100: 112—114.

Mueller J. (2004) *The Remnants of War*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Orend B. (2000) *War and International Justice: A Kantian Perspective*. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press.

Steinhoff U. (2007) *On the Ethics of War and Terrorism*. New York: Oxford University Press.

Walzer M. (2006) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration*. New York: Basic Books.

РОСНА

N.A.Shaveko

NEW WARS – OLD PRINCIPLES? ON THE NEED TO TRANSFORM THE THEORY OF JUST WAR IN MODERN CONDITIONS³⁷

³⁷ The research study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-78-00001 (<https://rscf.ru/en/project/25-78-00001/>).

Nikolai A. Shaveko — Ph.D. in Law; Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: shavekonikolai@gmail.com.

Abstract. The article investigates the main characteristics of so-called “new wars”, including asymmetry, high percentage of civilian casualties, low intensity, extended duration, blurred and often indeterminate starting points and endings, their indistinguishability from law-enforcement activity, global reach, and connection with identity politics. The author analyzes the applicability to “new wars” of core principles developed within just war theory, such as just cause, proportionality, last resort (necessity), good intention, and discrimination. The author shows that “new wars” generally make compliance with these principles more difficult, yet their moral significance remains intact.

At the same time, the author argues that “new wars” exert a certain influence on just war theory. First, they encourage more abstract formulations of the principles of just cause and discrimination. Second, they emphasize that just cause concerns not only legitimate grounds for waging war but also legitimate end goals — goals that cannot be reduced to eliminating the immediate triggers of war, but require addressing its deeper causes. Third, they make us reflect on the idea that reducing the harm of war implies not only refraining from certain actions, but also undertaking active measures. Fourth, they problematize the moral category of complicity in armed conflicts. However, nearly all of these adjustments (with the exception of the first one) rest on the arguments that are relevant not only to “new wars”, but also to classical (conventional) wars. Therefore, “new wars” may be viewed as a reason to look at the existing problems within just war theory rather than as a ground for revising it.

Keywords: “new wars”, just war theory, international law, terrorism

References

Afanasov N. (2019) “Novye vojny — staraja etika” [New Wars — Old Ethics] // *Logos*, vol. 29, no. 3: 157—180. URL: http://intelros.ru/pdf/logos/2019_03/Logos%203-2019_Press-165-188.pdf (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

Chamayou G. (2020) *Teorija drona* [Théorie du drone]. Moscow: Ad Marginem Press; Muzej sovremennogo iskusstva “Garazh”. (In Russ.)

Creveld M., van. (2005) *Transformatsija vojny* [The Transformation of War]. Moscow: Al’pina Biznes Buks. (In Russ.)

Fotion N. (2016) “Dve teorii spravedlivoj vojny” [Two Theories of Just War] // *Eticheskaja musl’* [Ethical Thought], vol. 16, no. 2: 169—186. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em_16_2/169%E2%80%93186.pdf (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

Kaldor M. (2015) *Novye i starye vojny: Organizovannoe nasilie v global’nuju epokhu* [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Kashnikov B.N. (2019) “Teorija spravedlivoj vojny: kritika osnovnykh nachal [Just War Theory: The Critique of the Foundations] // *Eticheskaja musl’* [Ethical Thought], vol. 19, no. 2: 152—167. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/323354212> (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

Kuman’kov A.D. (2016) “Printsip pravogo dela i „novye“ vojny” [The Principle of the Just Cause and the “New” Wars] // Kashnikov B.N. and A.D.Kuman’kov, eds. *Etika vojny i mira: istorija i perspektivy issledovanija* [Ethics of War and Peace: History and Prospects of Research]. St Petersburg: Aletheia: 152—175. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/k11tnvi4nc/167865715.pdf> (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

Kuman’kov A.D. (2020). *Vojna v 21 veke* [War in the 21st Century]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Kuman’kov A.D. (2022) “Teorija spravedlivoj vojny” [Just War Theory] // *Bol’shaja rossijskaja entsiklopedija* [The Great Russian Encyclopedia], 2.06. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-spravedlivoi-voiny-c54154> (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

Lind W.S., K.Nightengale, J.F.Schmitt, J.W.Sutton, and G.I.Wilson. (1989) “The Changing Face of War: Into the Fourth Generation” // *Marine Corps Gazette*, October: 22—26.

Luban D. (2016) “Preventivnaja vojna” [Preventive War] // *Eticheskaja musl’* [Ethical Thought], vol. 16, no. 2: 155—168. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em_16_2/155%E2%80%93168.pdf (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

McMahan J. (2004) “The Ethics of Killing in War” // *Ethics*, vol. 114, no. 4: 693—733.

McMahan J. (2005) “Just Cause for War” // *Ethics and International Affairs*, vol. 19, no. 3: 1—21.

McMahan J. (2006) “Morality, Law, and the Relation between Jus ad Bellum and Jus in Bello” // *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, vol. 100: 112—114.

McMahan J. (2019) “Pereosmysljaja „spravedlivuju vojnu“” [Rethinking the “Just War”] // *Logos*, vol. 29, no. 3: 139—156. URL: https://intelros.ru/pdf/logos/2019_03/Logos%203-2019_Press-147-164.pdf (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

Mueller J. (2004) *The Remnants of War*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Münkler H. (2018) *Oskolki vojny: Evoliutsija nasiliya v 20 i 21 vekakh* [Kriegssplitter: Die Evolution der Gewalt im 20 und 21 Jahrhundert]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

Orend B. (2000) *War and International Justice: A Kantian Perspective*. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press.

Sadovnikov D.V. (2013) *Status uchastnikov nepravitel'stvennykh vooruzhennykh formirovanij po mezhdunarodnomu pravu* [The Status of Participants in Non-governmental Armed Formations under International Law]. Moscow: RPA Miniusta Rossii. (In Russ.)

Shanchenko E.P. (2023) “Novye dilemmy teorii „spravedlivoj vojny“” [New Dilemmas of the “Just War” Theory] // *Vestnik RUDN. Serija: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], vol. 25, no. 2: 319–329. (In Russ.)

Shaveko N.A. (2022) “Jus post bellum kak razdel teorii spravedlivoj vojny” [Jus Post Bellum as a Section of the Theory of Just War] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations], vol. 6, issue 3: 359–368. (In Russ.)

Sidorenko I.N. (2020) “Fenomen „spravedlivoj vojny“ i ee transformatsija v sovremennom mire” [Phenomenon of “Just War” and Its Transformation in the Modern World] // *Trudy BGTU. Serija 6: Istorija, filiofija* [Proceedings of BelSTU. Series 6: History, Philosophy], no. 1: 116–120. URL: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/34359/1/Sidorenko_fenomen.pdf (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)

Steinhoff U. (2007) *On the Ethics of War and Terrorism*. New York: Oxford University Press.

Syse H. (2007) *Spravedlivaja vojna? O voennoj moshchi, etike i idealakh* [Rettfærdig krig? Om militærmakt, etikk og idealer]. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Walzer M. (2006) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration*. New York: Basic Books.

Yakushev L.V. (2016) “Sovremennye transformatsii teorii spravedlivoj vojny” [Contemporary Transformations of Just War Theory] // *Eticheskaja musul'* [Ethical Thought], vol. 16, no. 2: 142–154. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em_16_2/142%E2%80%93154.pdf (accessed on 25.11.2025). (In Russ.)